

Юрий СЕМЧЕНКОВ

Фотобродяга Андрей Гудков

Есть сферы деятельности, к которым мы с вами, может, и могли бы приобщиться чисто теоретически, но разумом понимаем, что это уже вряд ли произойдет. Маловероятно, например, что кому-то из нас доведется в ночных джунглях фотографировать горилл. А вот наш нынешний собеседник занимается этим давно, много и регулярно. Снимает он, конечно, не только горилл (и не только в джунглях),

но и слонов, и львов, и антилоп, и диковинных птиц. В саваннах, пустынях, на морях—океанах. Такая профессия.

Андрей Гудков — фотограф дикой природы с мировым именем. И мирового класса. Победитель и лауреат всевозможных профессиональных премий и конкурсов, член Международного союза журналистов. Самые—самые мировые издания соответствующей тематики, такие как, например, «National

Geographic» и «Wildlife Magazine» печатают его фотографии, репортажи и статьи.

Сегодня задавать вопросы г—ну Гудкову будем мы, тем более что и повод значительный — в марте в КВЦ имени Тенишевых открывается его фотовыставка под названием «Соседи по планете. Исчезающий мир», на которой будут представлены лучшие фотографии диких животных в естественной среде обитания.

Тяга к приключениям и авантюризму — в крови

— Андрей, начну с вопроса, который в том или ином виде наверняка вам задается очень часто: почему объектом вашего внимания стали не люди, а животные? Они интереснее?

— Так исторически сложилось. У меня биологическое образование. Кроме того, у меня, как, наверное, у всех людей моего поколения и старше, выходцев из СССР, которые в свое время носили пионерские галстуки и ходили в походы, есть эта тяга к приключениям и к авантюризму в крови (в хорошем понимании слова).

В свое время я писал письмо Туру Хейердалу, и у меня есть письмо-ответ от Тура Хейердала, написанное им мне собственноручно. Я этим очень горжусь. Я тогда был студентом, спрашивал его, как участвовать в экспедициях. Внутри у меня до сих пор сидит дух авантюризма, потому что я бродяга по природе, да простит меня моя семья, но я в этом не вижу ничего зазорного.

— То есть все пошло от Жюля Верна и Тура Хейердала?

— Не только от них. У нас были и другие свои герои: у нас был Жак-Ив Кусто, у нас был Дэвид Аттенборо, у нас были фильмы Би-Би-Си, которые нам крутили по советскому телевидению. Когда открыли железный занавес, мы, наконец, увидели журнал National Geographic. Для нас это было просто открытием — видеть мир так, как его видят фотографы National Geographic. Для нас это был просто космос. Несбыточная мечта.

— Вы помните момент, когда этот журнал впервые попал вам в руки?

— Да, конечно. Я даже год этот помню. Мне в 1991 году подарили на день рождения подписку National Geographic за двадцать лет. Мой друг привез из Канады, а я как раз учился на биологическом факультете, и это был лучший подарок. Для меня это событие стало судьбоносным. На сегодняшний день я сам являюсь фотографом National Geographic (Россия).

— Тогда уже была мечта снимать?

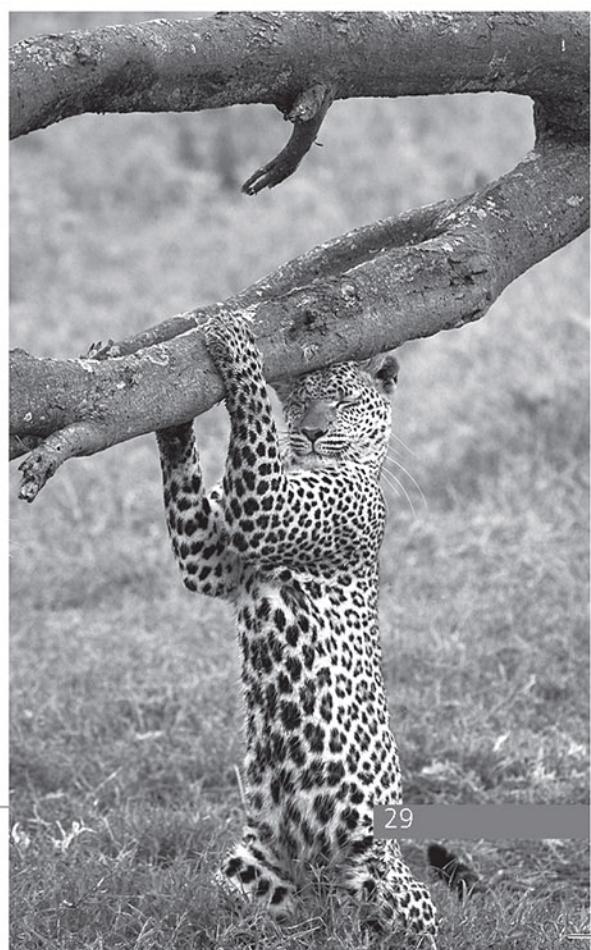
— Конечно, мы все, кто хоть немного был в теме, думали: Господи, неужели это возможно? И по-хорошему завидовали людям, которые снимали горилл, снимали саванну, снимали джунгли Амазонки, Новую Гвинею и так далее. Сейчас, по прошествии многих лет, побывав в этих местах неоднократно, я понимаю вкус этой жизни.

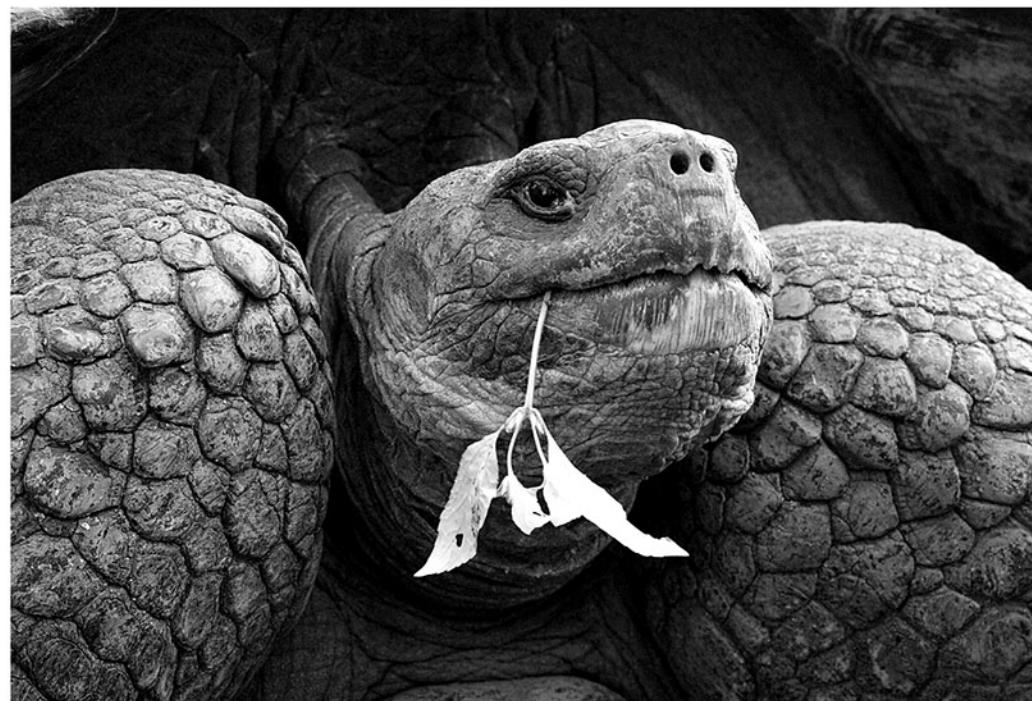
— Вы биолог по образованию, это помогает в нынешней профессии? Можете предсказать поведение животного в определенные моменты?

— Вы обязаны это делать, потому что съемка животных — это очень специфический жанр фотографии. Есть два очень сложных жанра фотографии: съемка дикой природы и военная фотожурналистика. Потому что в этих жанрах невозможно предсказать событие, оно бывает один раз и больше не повторяется. Тебе не важен свет, тебе не важен фон, у тебя есть событие, и ты должен его снять. Здесь есть свои тонкости и хитрости, животный мир живет по своим законам, и просто приехать и снять с наскока то или иное живот-

ное невозможно по причине того, что у каждого из них есть определенный биологический цикл. Если вы хотите снять, допустим, большую миграцию в Кении, когда до полутора миллиона копытных переходят речку Мару в известном кенийском заповеднике Масай-Мара, то вы обязаны приехать в сезон, потому что если вы приедете не в сезон, то застанете пустую саванну. Это первый аспект.

Второй аспект — есть стайное поведение животных, есть брачное поведение, есть поведение животных с детенышами и так далее. Это тоже сопряжено с определенными периодами времени. Любая экспедиция — это гигантский, я подчеркиваю, гигантский труд. Ни у кого не должно быть иллюзий, что это красивая жизнь. Это жизнь скотская. Потому что за каждым снимком есть своя история, и история эта бывает очень тяжелая. На подготовку экспедиции уходит, как

правило, шесть—восемь месяцев. Надо узнать место, как туда долететь, какие требуются разрешения, какие будут гиды, есть ли там вооруженные конфликты. Зачастую места, где бывают фотографы—натуралисты, снимающие дикую природу, далеки от цивилизации, и деньги там не имеют никакого значения в принципе. Ты можешь быть с миллионом долларов в чемодане, и это ничего не будет значить.

Животные «шлифуют» души людей

— Вам доводилось бывать в местах, где в прямом смысле не ступала нога человека?

— Сейчас, наверное, таких мест уже нет, потому что уровень глобализации необычайно высок. Я не говорю «цивилизации», я говорю «глобализации». Глобализация и цивилизация — две разные

вещи, глобализация — это крупный монстр, который пожирает все вокруг, в том числе и цивилизацию. Но это отдельная тема. Да, есть места, где количество, скажем так, белых цивилизованных людей в год исчисляется несколькими сотнями. Есть, например, такое место между Центральноафриканской республикой, Конго и Камеруном. Трансграничный заповедник Дзанга-Санга, где до сих пор сохранились уникальные тропические леса центральной Африки. Это место, где действительно цивилизация отсутствует. Там нет электричества, не работают сотовые телефоны, из-за гигантских деревьев не принимаются спутниковые сигналы. Там ты предоставлен сам себе.

— Насколько опасно пребывание в таких местах?

— Бывают разные ситуации, все зависит от подготовки. Иногда ты сам вынужден рисковать, потому

что понимаешь: если сейчас не рискнешь, то не получишь этот кадр. Известный фотограф-анималист Стива Блум, которого я считаю одним из величайших фотографов мира, говорил, что самое тяжелое и самое трудное — это не привезти с собой из экспедиции фотографию. И в этом абсолютная правда. Когда ты приезжаешь пустой, это разочарование на уровне краха.

— «Пустой» — это не получилось совсем или нечего выбрать из тысячи кадров?

— Это одно и то же. Ты можешь снять тысячу кадров, при этом понимая, что у тебя нет никакой съемки, и ты готов застрелиться. Бывает, что вот он объект, но ты снять его не можешь: или далеко, или не получается, или нет физических сил и так далее. Не можешь, и все тут!

— Со Стивом Блумом вы встречались лично, насколько я знаю.

— Мы не просто встречаемся, у меня с ним подписан контракт, и его агентство продает мои фотографии. Я считаю, что Стив, как классик марксизма—ленинизма, только в фотографии. Мощный крутой динозавр. Переплюнуть его на сегодняшний день никому не удалось.

— В связи с тем, что вы работаете в дикой природе, есть ли какое-то особое отношение к домашним животным?

— Я очень приветствую, когда у людей есть домашние животные. Моя мама, она была музыканткой, в свое время говорила, что музыка — это удивительная штука, которая «шлифует» душу. Если ты слушаешь и понимаешь, а особенно

но, если занимаешься музыкой, то совершишь чего-то ужасного ты не сможешь, потому что у тебя построение души другое. Точно так же и здесь. Я считаю, что наличие домашних животных у людей тоже каким-то образом «шлифует» душу. Это некая мера ответственности, нежности, заботы. Что касается зоопарков, я в принципе категорически их не приемлю.

— Как идею?

— Даже как идею. Давайте гипотетически представим, что нашу планету оккупировали какие-то более разумные существа, чем мы. Им же интересно поприкалываться, они возьмут представителей всех рас, негроидов, европеоидов, монголоидов, узкоглазых, с черной кожей, белокожих, посадят в клетки и будут ходить и смотреть. Вам это понравится? Мне лично не понравится. Я бы так не хотел. А почему мы считаем, что имеем право взять и поступить так же с животными? Но, с другой стороны, я прекрасно отдаю себе отчет, что большинство людей не попадет никогда в жизни в те места, где был я...

— И не увидят живого слона или гориллу.

— Именно. С образовательной точки зрения, наверное, зоопарки нужны. И возникает некая дилемма. Но снимать в зоопарке я никогда не буду, потому что поведение животных очень здорово отличается. У льва на воле и льва в клетке взгляд совершенно разный. Вы сходите в человеческую тюрьму и посмотрите, как там люди живут. Все станет понятно. Такая же аналогия. Поймите, это слова без пафоса, как есть.

Как поставить варана на задние лапы

— Остались ли места на нашей огромной планете, где вы еще не были, но хотели бы побывать?

— Когда говорят, что наша планета огромная, это большое заблуждение. Она маленькая, а с точки зрения анималистики, фотографирования диких животных в естественной среде обитания — тем более. Есть не так много мест, где эти животные интересны и, главное, доступны для съемки. А где я хотел бы побывать? Есть места труднодоступные. Например, центр Антарктики, там есть колония императорских пингвинов, они живут только там. Надо туда лететь, надо там зимовать. В тех местах были единицы фотографов. Хочется побывать еще в одном антарктическом регионе — на Южной Георгии. Хочется поснимать в ЮАР прыжки белых акул. В этом году в июле будет как раз такая экспедиция.

— Это происходит в каком-то уникальном месте?

— Да, есть у берегов ЮАР крупная колония морских котиков, шестьдесят тысяч. И в определенный период, в июле месяце, большие белые акулы приходят туда охотиться на этих котиков. Но у акул очень интересный способ охоты — они подплывают снизу, разгоняются и выпрыгивают вместе с котиком на три—четыре метра над водой. Вот это и надо снять.

— Насколько применимы при фотосъемках провокации? Условно говоря, бросить животному кусок мяса и снимать.

— Приведу пример. Есть остров Комodo, на котором водятся знаменитые крупные вараны, комодские драконы. Много людей приезжает и смотрит на этих драконов, как те лежат себе на песке и лежат. Но ведь интересен экши. Вы знаете, что двухметровый варан может вставать практически вертикально на задние лапы для того, чтобы, например, дотянуться до яйца и стоять так несколько секунд? Как это устроить? Но это существует в природе, это естественное биологическое поведение.

— Это не фальсификация, а как бы реконструкция?

— Да, но для этого мы должны варана стимулировать к этому. У нас есть ограниченный промежуток времени, и мы должны создать такую ситуацию, чтобы он при нас, здесь и сейчас, при данном свете, при данных условиях, сделал этот трюк. Даже не трюк — сделал бы то, что он делает всегда. Продемонстрировал свое естественное поведение в нужный нам момент. Есть определенные методики, которые позволяют это сделать. Варан это делает, ты снимаешь. Другое дело, если ты показываешь курящего зайца, вставляешь ему сигарету в рот и снимаешь, как он затягивается дымом, это, конечно, бред, за это, я считаю, надо просто дисквалифицировать и никогда не подпускать к камере.

Еще спрашивают, а пользуетесь ли вы фотошопом? Фотошоп — это инструмент, поэтому, если ты убрал муху с носа льва — это одно. Что в этом страшного? Ничего. Главное — фотографию улучшить. Улучшить, а не изменить. Можно подтянуть цвет, свет, контрастность. Но если ты снял слона на фоне саванны, то ты не имеешь права «прифотошопить», скажем, гору Килиманджаро. Это дурновкусие, в этом вся разница.

Сколько стоит фотография

— Несколько слов о том, что увидят смоляне на выставке, которая откроется в марте.

— Я скажу, что жителям Смоленска крупно повезло, потому что на их суд будет выставлено шестьдесят работ из семнадцати стран. Это результат съемок за последние

десять лет. Если оперировать математическими и статистическими параметрами, то, например, общее количество съемочных дней — более пятисот, а общее количество снятых кадров именно для этой выставки — порядка шестисот тысяч. Мы постараемся сделать выставку так, чтобы не было стыдно. Не просто на высоком столичном уровне, а на уровне европейском. Я буду счастлив и горд, что эти фотографии увидят и взрослые и дети. Это выставка для всех, она добрая, она о животных, о том, что нас окружает. После открытия будет мастер-класс, совершенно бесплатный.

— Мастер-класс будет интересен только для фотографов?

— Это будет интересно для всех, потому что там будет представлено гораздо больше фотографий, и о каждой я мог бы рассказать свою историю. Мы бы вообще поговорили о фотографии — как это все делается, как организовывается, Мне была бы интересна реакция зрителей. Приходите сами и приводите, пожалуйста, детей.

— Несколько вопросов о фотографии как о бизнесе. Очень ли трудно продать готовую фотографию?

— Трудно, потому что в России это не бизнес. Я не знаю, как помягче сказать, но когда шестьдесят процентов населения страны может позволить себе кусок отбивной говядины только по праздникам, трудно продать фотографию за адекватную цену. Если говорить о фотографии как физическом объекте — постере, плакате, — то это одна цена, если о продаже файла агентству, то другая. У меня файлы продаются по миру. На Западе это бизнес, в России пока нет.

— Каков порядок цен, если не секрет? Это сотни долларов, тысячи?

— Зависит от того, какой кадр. Если это эксклюзив, то одна цена, массовый тираж — другая. От трех долларов за кадр, но бывает, что покупают тысячу сразу таких кадров, и ты получаешь три тысячи долларов, а бывает, что ты продаешь один кадр за пятьсот долларов. Кроме того, цена зависит и от вида передаваемых авторских прав. Это достаточно серьезный и сложный бизнес. В России его пытаются наладить, но для этого должна сформироваться определенная культура потребления данного продукта. У нас пока такой культуры нет. Объекты искусства у нас пока не принято покупать за дорого.

— Насколько реально начинающему фотографу из Смоленска снять нечто такое, чтобы у него этот снимок купило известное европейское или мировое агентство?

— Вполне реально. Главный редактор National Geographic (Россия) Александр Грек на вопрос, как стать фотографом National Geographic отвечает: «Да никак! Никак не стать фотографом National Geographic». Для того чтобы стать фотографом National Geographic, надо снимать, снимать и снимать. Следующий вопрос, как правило: «А что же я буду снимать тут у себя в смоленских или брянских лесах?» На что Саша дает ссылку на одного из европейских фотографов, который снимает только белочек. Но он их снимает так, что просто слюни текут. Попробуйте снять белку вот так, и тогда у вас будет обложка National Geographic. Не надо бежать за сенсацией, не надо искать зеленых человечков. Все у тебя в голове, если

ты способен сгенерировать и реализовать идею, этого достаточно, это и есть залог успеха.

— То есть двери открыты для каждого?

— Абсолютно. Скажу больше, ребята, там и дверей-то нет. Все открыто настежь, приходите и снимайте. Техника сейчас доступна. Кто вам мешает? Заработайте деньги, купите технику. В последние двадцать лет произошел просто гигантский рывок цифровых камер. Раньше была задача поймать объект в фокус, чтобы он был резким. Но сейчас у тебя автофокусировка длится сотые доли секунды, а матрица и чувствительность позволяют снимать ночью без вспышки. Ставишь ISO 12000 (фотографы меня поймут), и все получается. Это к вопросу о технике. Вот тут на передний план выходят совершенно иные вещи. Ты же не можешь отследить глазом, скажем, бросок змеи, фазы этого броска. Но у тебя есть камера, которая снимает двенадцать кадров в секунду. Вы вдумайтесь — двенадцать кадров в одну секунду!

Работа «по принципу соковыжималки»

— Получается, фотограф снимает то, что сам не видит?

— Не видит, но предполагает, что это может произойти. А потом, когда он разбирает снимки, понимает, как змея открывает челюсть, как выпрыгивает яд. Конечно, уровень фотографии возрос, и в связи с этим возросла и конкуренция, потому что сейчас снять плохо — очень тяжело, камера за тебя сделает все.

— Следовательно, возрастает цена творчества.

— Я всегда говорю: ребята, прислушайтесь к моим словам, важно то, что у тебя в голове. Идея важна, а для реализации все технические средства есть. Но с идеями как раз и тяжело.

— И последний вопрос. Вот представим закат в саванне, вы лежите с фотоаппаратом, красота вокруг неимоверная. О чём вы думаете в этот момент?

— Начнем с того, что на закате в саванне лежать невозможно, потому что тебя съедят хищники. Ты сидишь в машине, тебя никто не выпускает, потому что это физически опасно. Саванна — это зоопарк наоборот, все животные гуляют и приходят на тебя посмотреть. Там совершенном другой мир, он вообще другой, другие законы. Но, дей-

ствительно, бывает очень много приятных минут. У тебя закончена съемка, ты весь день работал, ты весь пыльный, грязный. Твой водитель радуется, потому что ты его с утра взбодрил как следует, и он нашел тебе все, что нужно, выполнил свою задачу. Работа есть работа, и каждый должен делать свое дело достойно, как я говорю, «по принципу соковыжималки» — ты выжимаешь сок из водителей, гидов, проводников, но они видят, что точно также ты выжимаешь сок из себя, не жалея, без фальши. Они это видят и работают достойно. А когда все снято, можно достать флягу с... чаем и сказать: «Слушай, Джон (Дан, Дэвид, неважно), давай-ка мы с тобой чайку». И он отвечает: «Да, босс, давай-ка чайку». И вот мы сидим и смотрим на этот закат. Конечно, надо быть романтиком, чтобы увидеть в этом красоту... ■